

таки опирающиеся на сходство означающего и означаемого. Применение неквантованных способов выражения значения позволяет избежать дополнительной потери информации, связанной с квантованием, поскольку «квантование всегда связано с потерей более или менее существенной информации, содержащейся в объекте»²⁴.

Использование одноцелевого или многоцелевого процесса зависит (это касается особенно научной информации) от удельного веса содержащейся в сообщении сигматической и семантической информации. Если доля семантической информации особенно велика, то целесообразнее использовать одноцелевой процесс. Границы между понятиями (соответственно сигнификатами) «размыты» меньше, чем границы между представлениями (соответственно денотатами), а поэтому вероятность попадания информации в цель сама по себе достаточно велика, так что дополнительные трудности в декодировании могут обернуться простой тратой времени. Если же доля семантической информации не столь велика, целесообразнее прибегнуть к многоцелевому процессу, хотя он и связан с трудностями в декодировании, предполагающем не только «полное владение нормой и узусом языка», но и «хорошее знание и целенаправленную оценку ситуации», короче, «глобальный уровень» распознавания смысла текста²⁵. Заметим в связи с этим, что в настоящее время в системах «человек — ЭВМ» может, очевидно, использоваться только одноцелевой процесс: уровень распознавания текста у машины недостаточно высок. Не подлежит сомнению, что ЭВМ, «мыслящая» ассоциациями (а поиски в этом направлении уже ведутся, например, Институтом автоматики и электроники Сибирского отделения АН СССР в Новосибирске), работающая по схеме с «упаковкой» значений в духе упомянутой схемы Р. Г. Пиотровского, могла бы найти гораздо более широкое применение и быть «в сотни и даже тысячи раз эффективнее»²⁶, чем современные ЭВМ.

Разграничение одноцелевых и многоцелевых информационных процессов дает повод высказать принципиальное замечание в адрес рецензируемых книг. Представляется, что термин «язык науки», «научный язык» (хотя и общераспространенный) слишком широк и неточен для столь точных построений, какими является изложенная концепция В. В. Мартынова; весьма неудачен и термин «нехудожественные» тексты у И. Р. Гальперина²⁷, взятый, кстати, в кавычки и самим автором. Думается, что в обеих книгах следовало бы дать более точные определения исследуемых информационных процессов. Указанное замечание, конечно, отнюдь не умаляет всех прочих достоинств рассматриваемых трудов.

Что касается основной темы обзора, то, возвращаясь к ней, считаем возможным сказать: диалектически связанные между собой в семиотическом процессе характеристики, определяющие связь означающего и означаемого — «произвольность» (свобода) и мотивированность (сместность, сходство), находят свое дополнительное использование в построении кодов: первая — в одноцелевом, вторая — в многоцелевом информационном процессе.

Мы, впрочем, затрудняемся отдать здесь предпочтение какому-либо из указанных типов информационных процессов. Мнение, что код, использующий вторичные ПЭ понятий, превосходит современные коды естественных языков «так же, как знаковая система людей превосходит сигнальные системы животных», в определенной степени справедливо. Было бы, однако, столь же справедливо указать одновременно и на то, что коды естественных языков опережают коды искусственных в такой же мере, в какой интеллект человека опережает в настоящее время «интеллект» электронной машины.

²⁴ Пиотровский Р. Г. Указ. соч., с. 36.

²⁵ Там же, с. 30—32.

²⁶ См. «Известия» № 210, 5 сентября 1976 г. «ЭВМ мыслит ассоциациями».

²⁷ Гальперин И. Р. Указ. соч., с. 25.